
УЧАСТИЕ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНГРЕССАХ ПО ПРИЗРЕНИЮ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Во второй половине XIX – начале XX в. практика разного рода международных конгрессов получила большое распространение. Нередко конгрессы приурочивались к международным выставкам, в частности – к всемирным, или сопровождалась выставками, специально устроенными по этому случаю. Интенсивность международного общения росла год от года. К 1910 г. регулярно устраивалось свыше двух тысяч международных конгрессов, на которых обсуждались вопросы социального характера, и действовало около двухсот постоянных международных союзов, не преследовавших экономических целей. Пристальное внимание к социальным вопросам было вызвано стремлением ослабить растущую социальную напряженность и без радикальных преобразований упорядочить общественные отношения на гуманных основаниях. Социальный мир, как и мир во всем мире, остается неосуществимой мечтой человечества, но на пути к этой высокой цели решаются вполне конкретные и важные задачи.

Проблемы призрения и благотворительности поднимались на различных конгрессах (пенитенциарных, медицинских, педагогических, гигиенических и т. д.) и специально рассматривались на конгрессах по общим и частным проблемам благотворительности. Так, начиная с 1873 г., созывались международные конгрессы об улучшении участи слепых, проходившие в Вене, Дрездене, Париже, Берлине, Амстердаме, Кельне и других городах. Со времени конгресса в Милане в 1886 г. стали проводиться международные конгрессы по обучению глухонемых. Международный конгресс по защите детства, состоявшийся в 1883 г. в Париже, положил начало конгрессам этого направления.

Первоначально инициатива привлечения русских представителей к работе международных конгрессов исходила из-за границы. По официальным каналам через Министерство иностранных дел в Россию поступала информация о конгрессах и запрашивались сведения о возможных участниках. Престиж страны требовал участия России в этих конгрессах. Начиналась бюрократическая межведомственная переписка, обычно заканчивавшаяся тем, что на конгресс по-

сылался кто-либо из чиновников, имевших непосредственное отношение к призрению — из числа служащих Министерства внутренних дел, Ведомства учреждений императрицы Марии, Императорского Человеколюбивого общества. Круг русских представителей на международных конгрессах по благотворительности был довольно ограничен. Как правило, на конгрессы отправлялись одни и те же лица, которые назначались руководителями министерств и ведомств.

Министерство внутренних дел, ведавшее делами призрения и благотворительности в империи, сначала неохотно, без особого энтузиазма откликалось на предложения направить своих делегатов на международные конгрессы. Так, например, когда Министерство иностранных дел сообщило о переданном итальянским послом в С.-Петербурге, кавалером Константином Нигра пожелании итальянского правительства об участии представителей России в международном конгрессе по благотворительности, который было намечено провести в апреле 1881 г. в Милане, Министерство внутренних дел уклонилось от участия в конгрессе, сославшись на то, что считает вполне достаточным, если на конгресс отправятся представители Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества. Министр внутренних дел Л.С. Маков пояснил, что не видит надобности «в посылке на этот конгресс еще особых делегатов со стороны Министерства внутренних дел, — тем более что благотворительная часть по оному состоит в ведении земства, имеющего известный ограниченный круг действий, и вследствие сего избрание делегатов из среды земских учреждений той или иной губернии имело бы немаловажные неудобства»¹.

По-иному отнеслась к предстоящему конгрессу в Милане газета «Голос», которая писала: «Цель конгресса — вызвать обмен идей и взглядов между людьми различных стран, интересующимися бедствующими и трудящимися классами общества. Обмен опытом может способствовать лучшей организации благотворительных учреждений. Ввиду такой человеколюбивой цели было бы непостижительно, если бы русские благотворительные учреждения не приняли участия в конгрессе»². Излагая программу конгресса, газета призывала благотворительные общества послать в Милан если не делегатов, то хотя бы свои записки, отчеты и сообщения.

Русское правительство не делало тайны из международных конгрессов. На страницах «Правительственного вестника» время от времени публиковались сообщения о предстоящих конгрессах, но они не вызвали большого интереса у благотворителей. Инертность благотворительных обществ и частных лиц в этом отношении объяснялась не только новизной и необычностью этой формы сотрудничества. По-видимому, их участию в конгрессах препятствовали разобщенность и неподготовленность к совместной работе, неуверенность в своих силах и отсутствие опыта международного общения, языковой барьер и географическая удаленность, загруженность повседневной работой и т. д. и т. п.

Существенным препятствием были также сопряженные с участием в конгрессах значительные расходы. Такая поездка могла быть предпринята на собственные средства или средства благотворительных организаций. Значит, желающие участвовать в международных конгрессах в случае, если они располагали необходимой для этого суммой, стояли перед выбором: потратить деньги на благотворительные нужды или на поездку в Европу, а то и за океан. Финансовое состояние подавляющего большинства благотворительных обществ было таково,

что даже этого выбора у них не было. Цена участия русских представителей в международных конгрессах в буквальном смысле этого слова была слишком велика. Само собой разумеется, что перед чиновниками, командированными правительством за границу, эта проблема не возникала³.

Практическая польза конгрессов вызывала сомнения. Участнику многих международных конгрессов, юрисконсульту Главного тюремного управления Министерства юстиции Д.А. Дрилю приходилось доказывать, что «различные «говорильни», как у нас нередко презрительно отзываются о конгрессах и заседаниях обществ, ставящих себе целью обсуждение общественных вопросов, делают теперь необходимое и важное дело, развивая и укрепляя общественную мысль»⁴. Наступает время, когда разговоры и дебаты переходят в следующую стадию, реализуясь в конкретной деятельности. Ведь и слово «парламент» в переводе означает не что иное, как говорильню.

Вполне возможно, что конгрессы, особенно поначалу, производили впечатление «говорильни». Торжественная обстановка, приветственные речи первых лиц государства, исполнение национального гимна, парад блестящих мундиров и наград, светская суета, рауты, приемы и банкеты, концерты и иллюминации, атмосфера «праздника жизни», царившая на всемирных выставках, — все это контрастировало с невеселой темой бедности и нищеты. Несмотря на светский антураж, конгрессы носили деловой характер, обнаруживали серьезность задач и намерений участников, а главное — приносили реальную пользу. Хотя постановления конгрессов выражались в форме пожеланий, они находили отражение в социальной политике и законодательстве ряда стран, в организации и направлениях благотворительной деятельности.

На первых порах единичные русские представители на международных конгрессах не выступали с докладами, но отношение к конгрессам с их стороны не было формальным. Они со вниманием и интересом следили за ходом дискуссий, собирали сведения о социальном законодательстве разных государств, знакомились с новейшими достижениями в этой сфере, осматривали благотворительные заведения, перенимали зарубежный опыт и по возвращении в Россию публиковали статьи, очерки, обзоры и отчеты о своих поездках. Из одних отчетов постоянного участника международных конгрессов по благотворительности, народному образованию и здравоохранению, директора канцелярии по управлению детскими приютами Ведомства учреждений императрицы Марии Оттокара Карловича Адеркаса можно составить целое собрание его сочинений⁵. Польза международных контактов была обоюдной. Благодаря участию в международных конгрессах и выставках, личным знакомствам и публикациям на иностранных языках Россия открывалась миру, и эта сторона ее жизни становилась известна за рубежом.

Среди множества международных конгрессов социальной направленности особое место занимали конгрессы по призрению и благотворительности⁶. Инициатива проведения этих конгрессов принадлежала известному филантропу и общественному деятелю, врачу по профессии, председателю Верховного совета общественного призрения во Франции, сенатору Теофилю Русселю, который задумал объединить национальные и международные конгрессы по различным проблемам призрения и благотворительности. Идея возникла у него под впечатлением от поездки в США, где действовало множество благотворительных орга-

низаций, с большим успехом практиковавших эту форму сотрудничества. В отличие от созывавшихся ранее конгрессов по благотворительности, например, во Франкфурте-на-Майне (1856), Брюсселе (1857), Лондоне (1858), Милане (1881), конгрессы по призрению и благотворительности стали устраиваться регулярно, сохраняли преемственность и создали свою постоянную организацию.

I международный конгресс по призрению и благотворительности состоялся в 1889 г. в рамках Всемирной выставки в Париже. На этом конгрессе наряду со множеством других вопросов обсуждались четыре основных: обязательность общественного призрения, систематическая организация благотворительности, воспитание и обучение детей в приютах, медицинская помощь в деревне. Эти вопросы не раз будут подниматься и на последующих конгрессах. После конгресса в Париже было создано Международное общество для изучения вопросов призрения⁷.

В 1896 г. в Женеве, где проходила Швейцарская национальная выставка, состоялся II международный конгресс по призрению и благотворительности. На общее обсуждение были вынесены вопросы о призрении иностранцев, организации благотворительности, трудовой помощи, защите детей. При подготовке к следующему конгрессу Теофиль Руссель, которому было уже за 90, выдвинул в качестве своего преемника бывшего президента Французской республики Жана Казимира-Перье, много сил отдававшего организации трудовой помощи в Париже.

III конгресс, как и I, был приурочен к Всемирной выставке в Париже, которая состоялась в 1900 г. Экспонаты выставки подразделялись на 18 групп, а те, в свою очередь, — на 121 класс. Заведование 16-й группой Русского отдела, посвященной социальной экономии, гигиене и общественному призрению, с высочайшего соизволения, по соглашению министров внутренних дел и финансов, было поручено директору Медицинского департамента Министерства внутренних дел, доктору медицины и хирургии Льву Федоровичу Рагозину. 24 апреля 1898 г. Рагозин направил циркулярное предложение всем губернским врачебным инспекторам, различным обществам и учреждениям принять участие в выставке.

Большинство из них, в том числе земские и городские управления, отказались участвовать в Парижской выставке по причине «отсутствия достойных внимания экспонатов». У общественных организаций и частных лиц, не наделенных официальными полномочиями, возникали значительные затруднения в сборе разрозненных данных, о которых даже специалисты имели «весьма смутные и ошибочные сведения». Малопонятным был и термин «социальная экономия»⁸. Тем не менее, благодаря, главным образом, Ведомству императрицы Марии, Российскому обществу Красного Креста, Императорскому Человеколюбивому обществу, Попечительству о домах трудолюбия и работных домах русская благотворительность была достойно представлена на этой грандиозной выставке. Целый ряд благотворительных заведений был удостоен на ней высших наград⁹.

В дни выставки 16–23 июля 1900 г.¹⁰ под председательством Казимира-Перье прошел III международный конгресс по призрению и благотворительности. В конгрессе приняли участие представители 36 стран. Россию представляли делегаты от Ведомства учреждений императрицы Марии — О.К. Адеркас, чиновник особых поручений при главноуправляющем Собственной его императорского величества

канцелярией по учреждениям императрицы Марии, камергер С.А. де Каррьер и помощник старшего чиновника А.А. Шван, от Министерства внутренних дел — сенатор, гофмейстер И.И. Кабат, от Министерства финансов — коммерческий агент Русского посольства в Париже Артур Рафалович и граф Скаржинский, а также председатель Московского отделения Императорского Человеколюбивого общества С.П. Яковлев, попечитель Большевского ремесленно-исправительного приюта Штиглиц, представитель Варшавского благотворительного общества А.Ф. Сулиговский и др.

В повестку дня конгресса были включены четыре главных вопроса: согласование действий общественного призрения и частной благотворительности в деле помощи бедным на дому, воспитание и обучение детей в приютах, характер учреждений трудовой помощи, меры борьбы с туберкулезом и помощь неимущим туберкулезным больным. На секционных заседаниях обсуждался широкий круг вопросов, касавшихся призрения отдельных категорий нуждающихся — детей, бедняков, больных, увечных, престарелых, иностранцев, безработных и т. д.

На конгрессе продолжилось обсуждение общих принципов призрения. Постановлениями конгресса признавалась необходимость законодательного определения обязательности призрения для неимущих, которые не могли обеспечить себя средствами к существованию. Помощь им не должна была иметь характер милостыни, а оказываться в таком виде и размере, чтобы поддержать их нравственно, не отрывать от дома и облегчить возможность содержать собственным трудом себя и свою семью.

Конгресс одобрил создание особых «предохранительных» и исправительных приютов для беспризорных, порочных и «нравственно заброшенных» детей. Предпочтение отдавалось небольшим общественным и частным приютам, условия в которых напоминали бы обыкновенную семейную обстановку. Эти приюты должны были действовать под контролем и при поддержке государства, оплачивавшего содержание детей, которые помещались в частные приюты по распоряжениям государственных учреждений. В задачу приютов входило обучение воспитанников ремеслам, земледелию, хозяйству или морской службе. В России воспитательно-исправительные заведения создавались и действовали именно на такой основе. Число приютов и колоний росло (в 1896 г. их было 26, а в 1908 г. — 48), но их катастрофически не хватало, и тысячи несовершеннолетних содержались в тюрьмах, пополняя ряды преступников.

Рассматривая другой злободневный вопрос — о трудовой помощи, конгресс отдал должное усилиям городских управлений крупных городов, но признал преимущество небольших частных заведений. Правительственным и местным органам власти следовало оказывать содействие этим заведениям субсидиями, отводом земельных участков и зданий. В России на рубеже веков вплотную занялись организацией трудовой помощи. К Парижской выставке вышли два иллюстрированных издания очерка о домах трудолюбия на русском и французском языке. Уставы, отчеты, диаграммы, фотографии, немудреные образцы производства (швабры, щетки, мочалки, корзинки, лапти, белье, скобяные изделия и пр.), присланные на выставку русскими домами трудолюбия, произвели впечатление, и экспоненты были отмечены наградами. Однако при ближайшем рассмотрении ситуация с трудовой помощью в России оказывалась далеко не блестящей.

Прежде всего, домов трудолюбия было мало. Ко времени основания в 1895 г. Попечительства о домах трудолюбия и работных домах их было всего 43. Попечительство представляло собой типичное для России соединение государственного учреждения с общественной организацией, причем главенствующая роль принадлежала государству. Высочайшее покровительство дало толчок развитию трудовой помощи. Спустя два года после основания Попечительства возникло еще 38 домов трудолюбия. В 1900 г. насчитывалось уже 130 домов трудолюбия, но только 86 из них подавали признаки жизни, присылая сведения о своей деятельности в Комитет Попечительства¹¹.

Трудовая помощь в широком смысле подразумевала помощь в трудоустройстве (биржи труда, посреднические конторы), пособие на случай безработицы (страхование), предоставление временного заработка (дома трудолюбия, учебные мастерские, общественные работы), помощь в производстве (снабжение материалами, инструментами) и сбыте продукции. В России трудовая помощь осуществлялась, главным образом, в форме домов трудолюбия и время от времени — общественных работ. Многие дома трудолюбия на поверку оказывались детскими приютами, богадельнями для престарелых, убежищами для бездомных, а чаще всего — заведениями «смешанного типа», т. е. и тем, и другим, и третьим вместе. Этот путь не сулил решения проблемы безработицы и нищеты. В 1906 г. Попечительство о домах трудолюбия и работных домах было переименовано в Попечительство о трудовой помощи, что отражало стремление к расширению программы его деятельности.

В числе основных вопросов, обсуждавшихся на конгрессе, был вопрос о борьбе с туберкулезом и помощи туберкулезным больным. Попечение об этих больных было признано «делом, имеющим чрезвычайно важное значение для всего общества и требующим содействия всех классов населения». Для объединения усилий разных стран решено было учредить Международную комиссию для борьбы с туберкулезом, которая должна была «создать особую науку о борьбе с туберкулезом и должна выяснить лучшие методы применения этой науки на практике, соответственно нравам, законам и обычаям каждого государства, участвующего через своих представителей в этой международной комиссии»¹².

В итоге в Берлине был образован Международный союз борьбы с туберкулезом. Вопросы профилактики туберкулеза, общественной гигиены, санитарного состояния жилищ, помощи чахоточным и т. п. стали постоянным предметом обсуждения на ежегодных конференциях Союза и международных противотуберкулезных конгрессах, устраивавшихся каждые три года, а также конгрессах врачей — специалистов по лечению туберкулеза. В связи с участием России в Международном союзе борьбы с туберкулезом была создана Всероссийская лига борьбы с туберкулезом. Устав этой Лиги был утвержден Министерством внутренних дел 23 ноября 1909 г., а ее торжественное открытие состоялось 20 апреля 1910 г.

При обсуждении вопроса о соотношении общественного призрения и частной благотворительности III конгресс высказался за взаимное содействие учреждений того и другого рода. «Для установления такого взаимного содействия необходимо, чтобы частная благотворительность подчинялась контролю, устанавливаемому законами, и чтобы правительство, с своей стороны, предоставляло и обеспечило частной благотворительности необходимую ей свободу

действий», — говорилось в одном из постановлений. Конгресс обратил внимание на формальности, которые стесняли в некоторых государствах развитие благотворительности, и признал желательным беспрепятственное предоставление частным учреждениям прав юридического лица, как это делалось, например, в Англии, Германии и Швейцарии.

Постановление конгресса гласило: «Всекие формальности и вообще все условия, исполнение коих требуется для утверждения новых благотворительных учреждений и для предоставления им права приобретать на свое имя денежные средства и недвижимые имущества, должны быть по возможности более упрощены, для того, чтобы они могли быть исполнены в возможно скорейшем времени, причем однако необходимо, чтобы правительство имело возможность убедиться в том, что новое благотворительное учреждение действительно является полезным учреждением и что оно имеет необходимые средства и данные для выполнения принятых им на себя задач»¹³.

Для русских общественных деятелей данное постановление звучало особенно актуально. Утверждение уставов общественных организаций, в том числе и благотворительных, порой затягивалось на годы. Д.А. Дриль подчеркивал, что осуществление этого постановления конгресса в России являлось настоятельной необходимостью при условии благожелательного контроля государства, которое нуждалось в живых и свободных силах общества. Следовало не только дать простор частной инициативе и не стеснять ее ненужными канцелярскими формальностями, а поощрять и бережно относиться к общепольным начинаниям¹⁴.

На III конгрессе была избрана постоянная организация — Международный комитет конгрессов по призрению и благотворительности. На этот комитет, резиденция которого находилась в Париже, возлагалась подготовка конгрессов. Возглавил комитет Казимир-Перье, а вице-президентом комитета стал официальный представитель русского правительства, председатель Медицинского совета Министерства внутренних дел Л.Ф. Рагозин. В состав комитета вошли 60 представителей разных стран, в том числе от России — кроме С.П. Яковлева и С.А. де Каррьера, член Государственного совета А.А. Сабуров, председатель учреждений благотворительности в Варшаве князь Матиас Радзивилл и представитель Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, камергер А.А. Катуар де Бионкур. Исполнительным органом стало бюро конгрессов, в числе его 14 членов был С.П. Яковлев.

Когда в России встал вопрос об участии русских представителей в следующем конгрессе по призрению и благотворительности, который должен был состояться в Милане, в правящих кругах отнеслись к делу с большим вниманием. Начальник Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел С.Н. Гербель докладывал товарищу министра П.Н. Дурново 2 мая 1905 г.: «Общественная благотворительность состоит в заведывании городских и земских учреждений, многие из которых достигли весьма существенных результатов. Поэтому участие наиболее крупных городов и земств в имеющем быть в Милане международном конгрессе по делам благотворительности представлялось бы желательным»¹⁵. По распоряжению министра внутренних дел А.Г. Булыгина официальным представителем России на конгрессе в Милане вновь был назначен Л.Ф. Рагозин. На расходы, связанные с разработкой материалов к предстоящему конгрессу и командированием официальных предста-

вителей, по высочайшему повелению из капиталов общественного призрения, состоявших в ведении Министерства внутренних дел, в распоряжение Гербеля было отпущено 10 тыс. руб.¹⁶

Для подготовки к конгрессу при Министерстве внутренних дел была образована комиссия во главе с Рагозиным. К работе комиссии Рагозин привлек людей, известных своими трудами в сфере призрения. Кроме упоминавшихся выше О.К. Адеркаса и Д.А. Дриля, в нее вошли: чиновник особых поручений 5-го класса при Главном управлении по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел, впоследствии управляющий отделом народного здоровья и общественного призрения этого управления Г.Г. Витте, член Комитетов Главного попечительства детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии и Попечительства о домах трудолюбия и работных домах барон О.О. Буксгевден, состоящий при Канцелярии Ведомства детских приютов С.И. Уманец, почетный член С.-Петербургского совета детских приютов А.Ф. Селиванов, управляющий делами Комитета Попечительства о домах трудолюбия и работных домах Е.Д. Максимов, помощник делопроизводителя Главного управления по делам местного хозяйства С.И. Извеков, врачи В.В. Шенгелидзе, В.О. Губерт, М.О. Грузенберг, Г.И. Дембо, С.А. Глебовский, В.И. Гребенщиков и др.

Главным делом комиссии стала подготовка сборника очерков по различным отраслям призрения и благотворительности в России. Содействие Министерства внутренних дел в получении необходимых справок и сведений, оплата расходов на покупку книг, разъезды и обработку данных, не говоря уже о гонорарах, значительно облегчали дело. Основная часть средств, отпущенных казной на подготовку к Миланскому конгрессу, ушла на издание этой книги. Общая сумма расходов превысила выданный Главному управлению по делам местного хозяйства кредит в 10 тыс. руб. Образовавшийся долг в размере 293 руб. 41 коп. был погашен из тех же капиталов общественного призрения¹⁷.

Книга была издана к Миланскому конгрессу 1906 г. на французском языке и раздавалась участникам конгресса. Через Министерство иностранных дел 400 экземпляров книги было передано представителям иностранных государств в Петербурге для ее распространения за границей. В начале следующего года книга с дополнениями была издана на русском языке и затем бесплатно разослана в губернские земские управы, приказы общественного призрения, некоторые благотворительные общества и учреждения, библиотеки учебных заведений, заинтересованным лицам. Книга «Общественное и частное призрение в России» (СПб., 1907) явилась одним из лучших изданий, отражавших состояние призрения и благотворительности в стране.

Любопытно, что в конце марта 1906 г., когда книга уже печаталась в типографии Академии наук, произошел небольшой казус, который поставил издание под угрозу срыва. Желая подчеркнуть роль Главного управления по делам местного хозяйства, С.Н. Гербель потребовал, чтобы сверху на обложке и на титульном листе книги значилось название управления, тогда как имена авторов статей «в интересах цельности издания» были указаны не в тексте, а в предисловии или в оглавлении. Если первое требование Гербеля не встретило возражений, то второе было расценено чуть ли не как посягательство на авторские права. Статьи были достаточно самостоятельны, и общая связь их в данном случае определялась только «шапкой» издания.

Встретив отпор редактора сборника Л.Ф. Рагозина, управляющий отделом народного здоровья и общественного призрения Главного управления по делам местного хозяйства Н.Н. Анциферов 24 марта 1906 г. писал ему о своих опасениях, «что за возникшим неожиданно разномыслием издание это не состоится»¹⁸. Быть может, это были только угрозы — срыв издания не был на руку министерству. Дело быстро уладилось, но примечательно, что из-за ведомственных амбиций чиновники готовы были если не сорвать, то приостановить издание.

Помимо Рагозина, Министерством внутренних дел на Миланский конгресс был командирован особый представитель Главного управления по делам местного хозяйства Г.Г. Витте «в виду важного значения работ конгресса для правильной постановки дела общественного призрения»¹⁹. Ему было поручено также ознакомиться с организацией местного самоуправления и общественного призрения в Италии, Германии, Австрии и добыть по возможности все законоположения и уставы, касавшиеся этих вопросов.

IV международный конгресс по призрению и благотворительности состоялся в Милане 10/23–14/27 мая 1906 г. во время Всемирной выставки, которая была устроена в ознаменование открытия Симплонского туннеля через Альпийские горы, соединившего Италию со Швейцарией. На этот раз Россию представляли всего шестеро делегатов, но они не затерялись среди полутора тысяч участников конгресса, прибывших более чем из двадцати стран. Кроме Л.Ф. Рагозина, Г.Г. Витте, О.К. Адеркаса и А.А. Катуара де Бионкура, в конгрессе участвовали секретарь Императорского Человеколюбивого общества Г.Ф. Ракеев и предводитель дворянства Мариупольского уезда Екатеринославской губернии П.В. Каменский.

При составлении программы конгресса организаторы руководствовались практическими задачами конгресса и его международным характером. В повестку дня были включены пять вопросов: призрение нуждающихся иностранцев, подготовка добровольных сотрудников призрения и благотворительности, попечение о девушках и одиноких женщинах, меры борьбы с детской смертностью, страхование и предупреждение пауперизма. В отличие от предыдущих конгрессов, на Миланском конгрессе не было секционных заседаний, все вопросы обсуждались на общих собраниях, и по каждому из них был определен один основной докладчик. Такой порядок работы позволял сосредоточить все внимание участников на пяти вынесенных на обсуждение вопросах.

Вопрос о призрении иностранцев возник в связи с массовой межгосударственной миграцией населения и поднимался на всех предшествующих конгрессах по призрению и благотворительности. В 1894 г. Международное общество для изучения вопросов призрения высказалось за призрение неимущих иностранцев, страдавших острыми недугами, без всяких ограничений, а также за заключение международных договоров о призрении больных, покинутых детей и умалишенных. На II конгрессе было признано желательным заключение международных конвенций и договоров с целью обеспечения призрения моряков, умалишенных и покинутых детей. Конгресс рекомендовал правительствам поощрять создание благотворительных обществ иностранцев для призрения соотечественников за счет добровольных пожертвований и субсидий их государств. III конгресс подтвердил желательность заключения международных соглашений и конвенций о призрении неимущих иностранцев и признал, что обязательное призрение должно осуществляться за счет государственных средств.

На Миланском конгрессе был сделан еще один шаг к разрешению вопроса о признании иностранцев. Конгресс выступил за уравнивание иностранцев в правах на признание с коренным населением в случае безотлагательной нужды, а также при условии известного срока их пребывания в стране. Признание определенных категорий неимущих следовало закрепить международными соглашениями. Принцип равенства иностранцев в правах на признание с коренными жителями стал общепризнанным и сам по себе не вызывал возражений. Споры возникали, когда дело касалось финансовой стороны: равенство хорошо, но за чей счет?

Участники конгресса не пришли к единому мнению, главным образом, из-за разногласий представителей Италии и Франции. Тысячи итальянцев выполняли тяжелую работу в каменоломнях, на строительстве железных дорог на юге Франции, платили местные налоги, но не имели права на общественное признание и лечение в местных больницах. Итальянские делегаты настаивали на полном уравнивании иностранцев в праве на признание с гражданами страны, тогда как французские представители возражали против их равноправия, прежде всего ввиду наплыва во Францию неимущих итальянцев, признание которых легло бы на плечи французских налогоплательщиков. Для разработки и согласования вопроса решено было создать специальное международное бюро. В 1907 г. при Международном комитете конгрессов по признанию и благотворительности было учреждено Международное бюро для изучения вопроса о признании иностранцев под председательством Эмиля Лубе. В состав бюро вошел А.А. Кагуар де Бионкур²⁰.

Большой интерес у русских делегатов вызвал вопрос о предупреждении пауперизма. В его обсуждении приняли участие представители рабочих ассоциаций, для которых на конгрессе был установлен пониженный членский взнос. Легче предупредить болезнь, чем ее вылечить. Поэтому в борьбе с социальными недугами важное место стало отводиться предупредительным мерам. В первую очередь к ним было отнесено страхование от несчастных случаев, на случай болезни и потери трудоспособности, от безработицы и т. д. Большое значение придавалось обществам взаимопомощи, ссудо-сберегательным кассам, кооперативным товариществам и рабочим союзам, которые урегулировали отношения между рабочими и работодателями, добивались улучшения условий труда, повышения заработной платы, участия рабочих в прибылях и пр.

Таким образом, выстраивалась система социальной защиты, составной частью которой были признание и благотворительность. Новый взгляд на благотворительность как одно из средств предотвращения нищеты обусловил повышенное внимание к организационной стороне дела. Конгрессом была признана великая польза объединения и взаимодействия всех учреждений и организаций, преследовавших благотворительные цели. В выступлениях на конгрессе высказывалась мысль о том, что «только соединенными усилиями частной благотворительности и общественного признания можно вести победоносную борьбу с бедностью»²¹. Лозунг: «Свобода, справедливость и благосостояние для всех!» — прозвучал на конгрессе как принцип и как цель, к которой следовало стремиться. От старого лозунга Французской революции осталась только свобода, а равенство и братство уступили место справедливости и благосостоянию. Спустя столетие этот лозунг не утратил своей актуальности для граждан нашей страны.

Конгресс одобрил систематическую подготовку добровольных сотрудников общественного признания — как общую (всестороннее знакомство с причинами

и условиями, порождающими бедность), так и специальную по отдельным отраслям призрения (попечение о детях, больных, скорая помощь в несчастных случаях и т. д.). Было принято постановление об участии женщин наравне с мужчинами в деле общественного призрения и предоставлении им права занимать административные должности в этой области, в том числе в фабричной инспекции и в исправительных учреждениях.

В России не было особой необходимости призывать женщин к благотворительности — это была одна из основных сфер женской деятельности. А вот то, что для этого нужна соответствующая подготовка, и женщинам следует предоставить равные с мужчинами права по службе в учреждениях общественного призрения, еще надо было объяснять и доказывать. Для женщин здесь открывалось обширное поле деятельности. Чтобы заниматься регистрацией нуждающихся, знакомиться с их бытом и положением на месте, организовывать благотворительные учреждения и управлять ими, нужны были не только доброта, сострадание и милосердие, но опыт, навык и умение. Большое впечатление на собравшихся произвел доклад доктора Эмиля Мюнстерберга, возглавлявшего городские учреждения общественного призрения в Берлине, который высоко оценил роль женщин в благотворительности и призвал создать женскую «благотворительную армию».

Излагая суть докладов и прений по вопросу о подготовке добровольцев в этой сфере, Г.Г. Витте подчеркивал неотложность организации социальной помощи. Он писал: «В целом ряде социальных задач, разрешение которых предстоит нашему времени, призрение бедных является одной из насущнейших, и промедление или ошибки, допущенные при разрешении ее, грозят обществу опасными осложнениями». Благотворительности принадлежала важная роль в «оздоровлении общественной среды» и борьбе со «злом пауперизма» как теневой стороной цивилизации. «С этим злом борются все законодательства; реформы следуют за реформами, но законы одни бессильны, и, чтобы вести борьбу с надеждой на успех, необходимо живое участие частной благотворительности»²².

Благотворителей на Руси хватало, но стихийная благотворительность не давала желаемого эффекта, а только приводила к распространению профессионального нищенства и развитию нищенского промысла. Вместо беспорядочного и бестолкового «разбрасывания средств» нужна была продуманная организация благотворительности и подготовленные к этой деятельности добровольцы. «Дело систематической подготовки добровольных деятелей благотворительности находится еще в зачаточном состоянии», — констатировал Витте. Благотворительность не должна выражаться в «первобытной форме» милостыни. «Конечная цель — подать руку помощи нуждающемуся, и сделать это еще в то время, когда он сохраняет достаточно сил, чтобы высвободиться из тисков нужды, и в такой форме, чтобы он был обязан своим спасением себе самому и не чувствовал себя униженным».

Витте считал, что именно «частная благотворительность является пионером, прокладываяющим новые пути». «Поэтому частная благотворительность не должна никогда иссякнуть. По мере удовлетворения ближайших нужд раскрываются все новые области, представляющие ей новые задачи»²³. Действительно, благотворительность в России эволюционировала, возникали новые формы и направления благотворительной деятельности. Хотя в истории нашей страны

нередко бывало, что «пионером» выступало государство в лице августейших особ, существовала устойчивая тенденция к развитию частной и общественной инициативы.

Особенно оживленным было заседание конгресса при рассмотрении вопроса о защите девушек и одиноких женщин. В поисках заработка девушки и молодые женщины устремлялись в большие города и промышленные центры, где подвергались нравственной опасности. Ни у кого не возникало сомнений, что они нуждались в попечении и помощи в приискании мест. Положение оторванных от семьи тружениц вызывало всеобщее сочувствие. На заседании обсуждалась деятельность Международного союза защиты молодых девушек, насчитывавшего 12 тыс. членов. Центральное управление Союза размещалось в швейцарском городе Невшателе, а шесть отделений функционировали во Франции, Германии, Англии, Швейцарии, Нидерландах, Италии. По образцу этого Союза была создана Международная католическая ассоциация обществ защиты девушек с центром в другом швейцарском городе — Фрибуре. Ассоциация насчитывала 5 тыс. членов. Подобного рода помощь оказывали Армия спасения, Французское филантропическое общество, Общество женской взаимопомощи и солидарности в Париже и другие организации.

В России создание обществ этого профиля активизировалось на рубеже XIX–XX вв. Например, в 1897 г. возникло Общество попечения о молодых девицах в Петербурге, в 1899 г. — Московское общество улучшения участи женщин, Общество Св. Магдалины в Одессе и Общество защиты несчастных женщин в Казани. Некоторые из таких обществ не только предоставляли убежище, оказывали денежную, трудовую и юридическую помощь, но открывали библиотеки, читальни, посреднические бюро для приискания мест, школы кройки и шитья, курсы машинописи и стенографии, устраивали литературно-музыкальные вечера и чтения с «туманными картинами» и т. д. Разнообразием своей деятельности выделялось учрежденное в 1895 г. в Петербурге Русское женское взаимно-благотворительное общество.

В 1900 г. в Петербурге открылось Российское общество защиты женщин, в котором председательствовала принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская. Общество ставило целью защиту девушек и женщин от вовлечения в разврат и возвращение падших женщин к честной жизни. В 1904 г. действовало девять отделений Общества в Александровске (Екатеринославской губ.), Вильно, Киеве, Минске, Одессе, Риге, Ростове-на-Дону, Севастополе и Харькове. Все эти общества принесли пользу и помогли многим женщинам стать на ноги, но размеры их деятельности были совершенно несопоставимы с западными образцами.

Много внимания на Миланском конгрессе было уделено мерам борьбы с детской смертностью. Этот вопрос особенно остро стоял в России, где детская смертность была чрезвычайно высока: 25% новорожденных умирали на первом году жизни и 40% в течение первых пяти лет. В других европейских странах детская смертность была значительно ниже (от 9% до 22%), но также считалась ненормальной. На конгрессе было представлено более двадцати докладов по этому вопросу²⁴. Ввиду его важности конгресс рекомендовал создание Международного союза и национальных союзов по борьбе с детской смертностью.

С подведением итогов по этому животрепещущему вопросу выступил Л.Ф. Рагозин. Резюмируя представленные доклады, он отметил необходимость

улучшения социальных условий, разработки соответствующего законодательства, открытия консультаций, школ для матерей, «капель молока» (бесплатной раздачи молока для младенцев), детских лечебниц, яслей, благотворительных обществ и пр. Несколько неожиданно в устах официального представителя русского правительства и высокопоставленного чиновника (тайного советника!) звучали слова о том, что главная причина высокой детской смертности заключается в бедности и невежестве населения, обусловленных социальным порядком, в силу которого небольшое число привилегированных лиц поглощает лучшую часть жизненных сил общества, а большинство народа обречено на хроническую голодовку. Еще более смелым было его высказывание о необходимости проводить средствами науки, медицины и гигиены паллиативные мероприятия до того времени, когда станет возможным осуществление более радикальных мер, зависящих от социального строя²⁵. В годы Первой русской революции изменение существующего строя стало лейтмотивом общественной жизни в России.

По возвращении в Петербург Г.Г. Витте представил подробный отчет о Миланском конгрессе, ознакомившись с которым, С.Н. Гербель наложил резолюцию: «вопрос о призрении отложить рассмотрением до выработки главных оснований местной реформы»²⁶. Казалось бы, дело о преобразовании общественного призрения в России было положено под сукно, поскольку разговоры о реформе местного самоуправления велись уже на протяжении многих лет, и конца им не было видно.

Однако Миланский конгресс не прошел бесследно для России. Постепенно вырисовывались зыбкие очертания будущей реформы местного самоуправления и реорганизации общественного призрения. Г.Г. Витте вынес заключение «о плодотворном значении конгресса для установления руководящих взглядов по вопросам призрения», и его мнение разделяли вышестоящие лица²⁷. Вместе с тем он считал, что значение конгрессов не исчерпывается разработкой конкретных вопросов, а «обуславливается, главным образом, соединяющим все народы сознанием общности преследуемых ими мирных интересов»²⁸.

Успех конгрессов по призрению и благотворительности во многом определялся деятельностью Международного комитета этих конгрессов. После кончины Жана Казимира-Перье в 1907 г. этот комитет возглавил Эмиль Лубе, также бывший президент Французской республики, после ухода со своего поста по примеру Казимира-Перье посвятивший себя организации благотворительности. Витте пришел к выводу о «крайней желательности» участия от России в этом комитете представителя Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел, которое являлось «существенно заинтересованным» в деятельности комитета и, в частности, в выборе вопросов для обсуждения²⁹.

С.Н. Гербель поддержал Г.Г. Витте и в своем докладе министру внутренних дел П.А. Столыпину от 12 июля 1906 г. почти дословно повторил его слова о том, что назначение представителя Министерства внутренних дел в Международный комитет конгрессов «вполне отвечает задачам министерства, в особенности в виду предъявляемых к нему самую жизнь запросов по реорганизации существующей постановки дела общественного призрения, вследствие чего министерству в недалеком будущем предстоит взять на себя почин по пересмотру существующих законоположений о призрении бедных и объединению на правительных, выработанных, между прочим, практикою иностранных государств

основаниях разрозненной пока деятельности учреждений общественного и частного призрения»³⁰.

Естественно, что наиболее подходящей кандидатурой на место представителя Министерства внутренних дел Российской империи в Международном комитете благотворительных конгрессов был имевший опыт участия в конгрессах и необходимые для этого познания Георгий Георгиевич фон Витте, который и был назначен на это место³¹. В марте 1907 г. Рагозин, бывший вице-президентом этого комитета, в виду преклонного возраста, болезненного состояния и служебных обязанностей, не позволявших ему во всякое время отлучаться из Петербурга, отказался от членства в комитете, предложив со своей стороны кандидатуру Витте, который, по его словам, зарекомендовал себя с самой лучшей стороны³². К тому времени Витте уже считался официальным представителем России в Международном комитете благотворительных конгрессов, и мнение Рагозина ничего не меняло.

Витте был избран также почетным вице-президентом Международного общества для изучения вопросов призрения. Членами Общества являлись руководители благотворительных организаций, общественные деятели, известные филантропы. В Обществе сосредоточивались сведения о состоянии призрения и благотворительности в разных странах и обсуждались все важные вопросы призрения. Обществом устраивались поездки для осмотра благотворительных учреждений, представлявших особый интерес. Отчеты о деятельности Общества регулярно публиковались в печати.

Однако принимать непосредственное участие в его деятельности, не будучи парижанином, было затруднительно. Г.Г. Витте замечал: «Общество, которое стремится стать международным, насчитывает до 300 членов, среди которых только 50 не принадлежат к французской национальности, что, без сомнения обуславливается тем, что правильное участие в заседаниях его, имеющих место в Париже, затруднено для членов, не имеющих в нем постоянного местопребывания. Но этим нисколько не умаляется выдающееся значение этого общества»³³.

Когда встал вопрос о командировании официального представителя Министерства внутренних дел на очередной конгресс по призрению и благотворительности, который должен был проходить в Копенгагене, таковым представителем опять-таки был назначен Витте, занимавший тогда уже пост управляющего отделом народного здоровья и общественного призрения Главного управления по делам местного хозяйства.

В Министерстве внутренних дел прочно утвердилось мнение о пользе международных конгрессов. Опыт, приобретенный на Миланском конгрессе, способствовал разработке вопросов призрения и благотворительности в России. С.Н. Гербель писал в докладе от 5 января 1910 г. П.А. Столыпину: «Непосредственное участие представителя Главного управления в трудах конгресса, несомненно, весьма благоприятно отразилось на улучшении качества работы Главного управления по вопросам общественного призрения и частной благотворительности»³⁴.

В своем докладе Гербель подчеркивал, «что участие представителя Министерства внутренних дел в международных конгрессах по благотворительности представляется вообще весьма полезным», и приводил следующие аргументы: «Помимо того, что таким путем облегчается для министерства ознакомление

с новейшими результатами, достигнутыми в деле организации благотворительности в Западной Европе, участие официального делегата того ведомства, которому принадлежит высшее заведывание делом общественного призрения в России, открывало бы возможность подвергать обсуждению на конгрессах такие вопросы, в разрешении которых особенно заинтересовано русское правительство, и облегчило бы установление в случае надобности международных соглашений по вопросам, имеющим общее значение для нескольких государств»³⁵.

Копенгагенский конгресс стал в некотором смысле переломным для России, и прежде всего потому, что в подготовке к конгрессу важную роль сыграли представители русской общественности. В 1908 г. был создан Всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению, который, начиная с 1909 г., активно включился в подготовку к конгрессу³⁶. После Первой русской революции внутриполитическая ситуация в стране сильно изменилась. Старая народническая теория «малых дел» приобрела новое звучание. Совершался переход от ожесточенной конфронтации с правительством к тактике «текущих дел».

Деятельность Всероссийского союза сразу же сказалась на результатах подготовки к конгрессу. Впервые русскими представителями по инициативе Союза были подготовлены доклады по всем вопросам повестки дня конгресса. Уже на первом заседании Международного отдела Всероссийского союза 11 мая 1909 г., более чем за год до Копенгагенского конгресса, были заслушаны и одобрены подготовленные к конгрессу доклады³⁷. Одновременно Союз проделал большую работу по подготовке и проведению в марте 1910 г. в Петербурге Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению, на котором обсуждались злободневные юридические, организационные и финансовые вопросы.

В соответствии с уставом Всероссийского союза его Международный отдел исполнял обязанности Русского комитета международных конгрессов. Примечательно, что возглавил Международный отдел Всероссийского союза Г.Г. Витте. Таким образом, на Копенгагенском конгрессе Витте выступил в двух лицах — как официальный представитель Министерства внутренних дел и как представитель независимой общественной организации.

Взаимодействие и взаимосвязь государственных, общественных и частных структур, в том числе и на личностном уровне, одобрялись конгрессами. В одном из постановлений III конгресса по призрению и благотворительности говорилось: «С целью организации, развития и обеспечения необходимого взаимного содействия между общественным призрением с одной и частной благотворительностью с другой стороны, желательно, чтобы лица, находящиеся во главе правительственных и общественных учреждений, принимали, частным образом, также участие в деятельности частных благотворительных учреждений, чтобы правительственные и общественные учреждения приглашали в число членов своих административных советов и комитетов также представителей частной благотворительности и чтобы, в то же время, представители правительственной и общественной администрации выбирались в состав главных комитетов частных благотворительных учреждений»³⁸.

В России чиновники сплошь и рядом заседали в разнообразных общественных организациях, направляя и контролируя их деятельность, а вот частные лица лишь от случая к случаю удостоивались приглашения в правительственные ко-

митеты, комиссии и особые совещания. При подготовке к Копенгагенскому конгрессу «симбиоз» власти и общества дал неплохие результаты. Благодаря взаимной заинтересованности и согласованности совместных действий Министерства внутренних дел и Всероссийского союза учреждений обществ и деятелей по общественному и частному призрению были достигнуты определенные успехи.

Накануне Копенгагенского конгресса Гербель обратился к Столышину за указаниями по ряду вопросов, в частности, по вопросу о призрении иностранцев, включенному в повестку дня конгресса, и получил полное одобрение министра. На случай, если на конгрессе возникнет предположение о созыве следующего конгресса в России, Столыпин распорядился: «Выразить согласие, но самим вопросом не возбуждать»³⁹.

V международный конгресс по призрению и благотворительности состоялся в Копенгагене 27–31 июля (9–13 августа н. ст.) 1910 г. В конгрессе приняли участие около тысячи человек. Россию на конгрессе представляли: Г.Г. Витте, О.К. Адеркас, А.А. Катуар де Бионкур, чиновник особых поручений при Собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии П.Г. Ганзен, товарищ председателя Попечительства Императорского Человеколюбивого общества для сбора пожертвований на ремесленное образование бедных детей Г.Ф. Ракеев, заведующая детским приютом трудолюбия в С.-Петербурге З.Д. Масловская, гласный Мариупольской городской думы А.М. Трегубов, заведующий ремесленным приютом в Москве Шацкий⁴⁰.

Председательствовал на конгрессе Эмиль Лубе. Программа конгресса была определена задолго до его созыва. Из огромного числа предложений разных стран⁴¹ Международным комитетом конгрессов еще в октябре 1907 г. были отобраны четыре главных вопроса: уход за больными в деревне, призрение иностранцев, роль женщин в деле благотворительности, призрение вдов и сирот.

Авторами докладов, представленных от России, были: председатель Правления Всероссийского союза учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению, профессор С.К. Гогель и чины отдела народного здоровья и общественного призрения П.С. Кукуранов, И.Н. Петров, Л.В. Красовский, Н.С. Александровский. Получалось, что представляли Россию на конгрессе одни люди, а доклады готовили другие.

Центральным вопросом, вокруг которого развернулись дебаты, был вопрос о призрении иностранцев и подготовке соответствующего международного соглашения. С приходом к руководству конгрессами Эмиля Лубе этот вопрос выдвинулся на первый план. Будучи опытным политиком и администратором, Лубе сразу же перевел его в практическую плоскость. «Он внес ноту конкретной реальности в обсуждение этого важного вопроса», — писал один из организаторов конгресса⁴². Предыдущими конгрессами были выработаны основные принципы призрения иностранцев, которыми признавалась необходимость их призрения в случае безотлагательной нужды, обеспечение призрения сирот, покинутых детей и умалишенных международными соглашениями, поощрение благотворительных обществ иностранцев, оказывавших призрение своим соотечественникам.

По переписи 1907 г. в Российской империи (без Финляндии) проживало около 600 тыс. иностранных подданных, составлявших 0,48% населения. Хотя задача призрения иностранцев заслонялась «политическими и социальными задачами несравненно большей важности», Россия волей-неволей втягивалась

в обсуждение этого вопроса. Чиновникам Министерства внутренних дел пришлось проделать нелегкую работу, чтобы собрать отрывочные и разнородные сведения о состоянии призрения иностранцев в России⁴³.

Призрению иностранцев в России был посвящен доклад Л.В. Красовского и Н.С. Александровского. Согласно обычаю и установившейся административной практике, иностранцы в России призрелись наравне с российскими подданными. По статистическим данным, в 1906 г. в лечебницах и благотворительных заведениях находился 8481 иностранец. Из этого числа 50,5% получили помощь за счет собственных средств, средств работодателей и благотворительных обществ иностранцев, а оставшиеся 49,5% — за счет российских средств (135 873 руб.), т. е. средств установлений общественного призрения, благотворительных обществ и казны. Иностранные благотворительные общества пользовались в России такими же правами, как и другие общества, в частности, правами юридического лица.

Однако фактическое равенство иностранцев с российскими подданными в отношении призрения отнюдь не означало благополучного положения в этой сфере. Это было равенство в отсутствии права на призрение, и этим, помимо прочего, Россия разительно отличалась от стран Западной Европы. В России обязательному призрению, в соответствии с сенатскими указами последней четверти XIX в., подлежали только некоторые категории душевнобольных, представлявшие опасность для общества. Но и они по большей части были предоставлены самим себе, так как лечебницы не могли вместить всех душевнобольных, создававших угрозу для личной и имущественной безопасности окружающих. Хотя в этом отношении было сделано больше, чем в других отраслях призрения, по приблизительным данным, в России призрелось лишь 10% душевнобольных.

Для всех остальных категорий нуждающихся действовал принцип факультативного призрения, т. е. помощь оказывалась от случая к случаю, в зависимости от наличия средств — по мере возможности, а не по мере необходимости. «Россия, страна весьма бедная материальными средствами, может только мечтать о том, что для Западной Европы составляет, в значительной степени, осуществившийся факт: затраты на организацию обязательного призрения были и до сих пор остаются для России непосильным расходом», — к такому неутешительному выводу приходили в Министерстве внутренних дел⁴⁴.

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация. Призрение иностранцев, закрепленное нормами международного права, поставило бы иностранцев и возвращенных на родину российских подданных в привилегированное положение по отношению к остальным жителям России, не имевшим юридического права на призрение. Кроме того, хотя бедствующих иностранцев в России было сравнительно немного, оказывать им помощь на подобающем уровне и обеспечивать призрение выдворенных из-за границы российских подданных было затруднительно из-за слабого развития общественного призрения и скудости государственного бюджета. Поэтому Россия выступала за «свободу действий» и рассмотрение каждого конкретного случая в отдельности.

Копенгагенский конгресс единогласно высказался за уравнение иностранцев в правах на призрение с гражданами страны, «национализацию нуждающихся» по прошествии известного срока их пребывания в стране и оказание призрения без различия национальности и гражданства. Только в случае постоянного и длительного призрения в виде исключения допускалось выдворение иностран-

цев на родину и взаимные расчеты государств, которые должны были предусматриваться международными конвенциями.

На конгрессе вопрос о признании иностранцев рассматривался с позиций гуманности, уважения к правам человека и традициям христианства. Тем самым был подан пример подхода к решению других вопросов признания и благотворительности. Выступивший на одном из заседаний конгресса Альбер Дюнан, бывший президент Женевского кантона, племянник основателя Международного комитета Красного Креста Жана Анри Дюнана, сказал, что подобно объединению народов под сенью Красного Креста для оказания помощи больным и раненым без различия их национальности, теперь предстоит объединиться под сенью Белого Креста для признания неимущих без национальных различий⁴⁵. Белый крест на флаге Дании стал символом этого объединения.

Хотя вопрос о признании иностранцев оставался открытым, конгресс вплотную подошел к его разрешению, четко сформулировав принципы, которые должны были лечь в основу международных соглашений. Для популяризации и практического осуществления решений конгресса было рекомендовано создание национальных комитетов и объявлено о продолжении деятельности Международного бюро по изучению вопроса о признании иностранцев. Датское правительство согласилось взять на себя инициативу созыва международной дипломатической конференции по этому вопросу.

Международное бюро, носившее прежде «провизорный характер», приобрело практическое значение. «Чрезвычайно важно, как для дела признания, так и для других целей, чтобы где-нибудь в мире было место, хотя бы самое скромное, ежедневно открытое для регистрации сведений о законодательстве отдельных государств и для дачи немедленных сведений о комбинации текстов закона или об обычных решениях, применимых к различным случаям данного рода. Речь идет не о том, чтобы создать орган, наделенный какой-либо властью, или даже орган арбитража, а лишь простое научное бюро, долженствующее удовлетворять и выражать международную совесть, предоставляя *правительствам* разрешать, способами разумеется самыми различными, возникающие при этом финансовые затруднения», — писал накануне Копенгагенского конгресса генеральный секретарь комитета конгрессов Ж. Рондель⁴⁶. Постановления конгрессов выходили за рамки теории и подталкивали правительства к конкретным шагам.

По другому вопросу повестки дня конгресса — о роли женщин в деле благотворительности — среди прочих докладов был представлен доклад С.К. Гогеля. Автор доклада утверждал, что русская благотворительность создана женщиной, имея в виду двух императриц — Екатерину II и Марию Федоровну, супругу императора Павла. В России женщины стояли во главе вдовьих домов и детских приютов, находились в составе Комитета Ведомства детских приютов, активно участвовали в работе Попечительства о слепых и участковых попечительств о бедных. Женщины составляли почти половину служащих местных учреждений Попечительства о трудовой помощи.

Первые сестры милосердия были русские. У знаменитой Флоренс Найтингейл были русские предшественницы — сестры милосердия Крестовоздвиженской общины, возникшей в годы Крымской войны. Ко времени Копенгагенского конгресса существовало до ста общин Российского общества Красного Креста, в которых трудилось три тысячи сестер милосердия — не так уж много для гигантской

страны. Однако доклад был исполнен оптимизма. Подчеркивая вклад женщин в дело благотворительности, автор доклада с гордостью заявлял, что в России нет такого общества, в котором женщины не играли бы выдающейся роли.

В постановлениях конгресса говорилось о необходимости профессиональной подготовки социальных помощниц, о поощрении деятельности женщин как в области церковной и частной благотворительности, так и в области общественного призрения, особенно в деле управления учреждениями, предназначенными для призрения женщин и детей. Конгресс призвал законодательным путем уравнивать женщин в правах с мужчинами на всех поприщах общественного призрения и открыть им широкий доступ к должностям в этой сфере. Комментируя это решение конгресса, Г.Г. Витте с удовлетворением замечал, «что Россия в этом отношении идет по правильному пути»⁴⁷.

При обсуждении вопроса об уходе за больными в деревне речь шла об организации дополнительного к врачебному попечению о больных силами добровольцев при содействии профессионально подготовленных лиц. В этом отношении пример подавала Германия, где в конце XIX в. зародилось Общество охранения народного здоровья и ухода за больными в сельских округах Германии — «Charitas» («Милосердие»), занимавшееся подготовкой «посетительниц больных» и деревенских сиделок. С этой целью были открыты краткосрочные курсы по уходу за больными при католических и евангелических учреждениях. По окончании курсов выпускницы добровольно и бескорыстно посвящали свое свободное время христианскому служению ближним — больным односельчанам. Если больным требовался длительный уход, то сиделкам возмещалась потеря заработка. Расходы по обучению и вознаграждению сиделок, кроме «Charitas», несли страховые общества, сельские общины и местные власти. Сиделок снабжали аптечками, в деревнях оборудовались пункты первой помощи и ухода за больными. В круг деятельности добровольных помощниц из другого союза «Fraüenhülfe» («Женская помощь»), насчитывавшего до 1600 отделов по всей Пруссии и другим частям Германии, входил не только уход за больными, но также попечение о детях, о заключенных в тюрьмах и отбывших наказание преступниках, борьба с алкоголизмом и проституцией.

Что же касается России, то, как признавалось в докладе И.Н. Петрова, организация ухода за больными в деревне находилась в зачаточном состоянии. Практически сельские жители, составлявшие основную часть населения страны, в случае болезни были лишены не только ухода, но нередко и элементарной медицинской помощи. В сельской местности трудилось до 15 тыс. фельдшеров и фельдшерниц, а врачей было и того меньше⁴⁸. В роли целителей приходилось выступать священникам, учителям, помещикам, знахарям, деревенским грамотеям. Если для европейцев актуален был вопрос об уходе за больными в деревне, то русских гораздо больше волновали иные проблемы, например, помощи голодающим. Создавалось впечатление, что одни думали о куске хлеба, тогда как другие — о куске хлеба с маслом. В странах Западной Европы, с точки зрения русских делегатов, занимались усовершенствованием системы призрения и благотворительности, которую в России еще предстояло создать.

На конгрессе рассматривался также вопрос о призрении вдов и сирот. При этом главное внимание было уделено мерам по предупреждению нужды. Конгресс счел недостаточными предпринимавшиеся в различных государствах меры

для обеспечения вдов и сирот. Лучшим средством предотвращения нужды были признаны страховые кассы, капиталы которых складывались из взносов рабочих и работодателей, а также субсидий правительства и общественных установлений. Частной благотворительности, располагавшей ограниченными средствами и не имевшей прочной организации, придавалось вспомогательное значение.

В докладе П.С. Кукуранова сообщалось о пенсиях вдовам военных и гражданских служащих, о создававшихся в России страховых кассах служащих государственных, общественных и частных учреждений и предприятий, о разрабатывавшемся проекте страхования рабочих. Однако по сравнению с распространенными в Западной Европе разного рода страховыми обществами и обществами взаимопомощи успехи России выглядели довольно скромно. Например, во Франции в обществах взаимопомощи состояло до 5 млн. человек, и правительственные субсидии им достигали 9,5 млн. франков. О таком размахе в России могли только мечтать.

Оценивая состояние призрения вдов и сирот в России, Г.Г. Витте признавал, что все сделанное в основном касалось вдов и сирот служащих правительственных и общественных учреждений. «Принятые меры носят, однако, случайный характер, будучи лишены должного единства, и не стоят в связи с планомерной системой общественного призрения, как на Западе, по отсутствию у нас такой системы вообще», — писал он⁴⁹.

О чем бы ни заходила речь на конгрессе, приходилось констатировать, что в России вопрос находится «в зачаточном состоянии». Пожалуй, изо всех вопросов, обсуждавшихся на конгрессах, только вопрос о роли женщин в благотворительности вызывал у русских представителей чувство гордости и удовлетворения. Женщины в России были на высоте своей гуманной миссии, надо было только дать им дорогу. При сопоставлении с Западной Европой состояние общественного призрения в России выглядело удручающим, слабые места и пробелы становились заметнее. Вопросы, разрешением которых были озабочены в странах Западной Европы, русскими воспринимались как проблемы совсем другого уровня, — как говорится, нам бы ваши заботы. Конечно, были страны, которые остались далеко позади в организации социальной помощи, но Россия равнялась на лидеров и сверяла курс по их компасу.

Под общественным призрением в Западной Европе понималось обязательное призрение, которое оказывалось нуждающимся государством или органами самоуправления. В этом смысле общественного призрения в России, в сущности, не существовало, если не считать попыток наладить призрение душевнобольных. Общественное призрение было органически связано с общеполитической ситуацией, экономическим развитием страны и благосостоянием населения, основная масса которого в России находилась в бедственном положении. Беспросветная нужда толкала людей на отчаянные поступки. Как, например, объяснить европейцу, отчего в России кормилицы норовили взять из приютов больных сифилисом младенцев, чтобы, заразившись «дурной болезнью», получить страховую сумму в 150 руб. «за потерю трудоспособности»?

Международные конгрессы давали богатую пищу для размышлений и служили импульсом для разработки конкретных мер по реорганизации и налаживанию дела общественного призрения в России, настоятельная необходимость упорядочения которого ощущалась уже давно. В 1892 г. была организована

специальная Комиссия для пересмотра законодательства о призрении бедных под председательством статс-секретаря К.К. Грота, но намеченные ею меры так и не были претворены в жизнь. Как считал Г.Г. Витте, «все оне, если бы и получили осуществление, едва ли имели бы существенные для дела последствия, так как ограничивались преимущественно организационной стороной, касаясь лишь поверхностно главного вопроса — финансового»⁵⁰.

Столыпинская земельная реформа, разрушившая общину с ее круговой порукой и коренным образом изменившая правовое положение и уклад жизни крестьян, выдвинула преобразование общественного призрения в стране в число первоочередных задач. Следовало избрать путь решения этой задачи, опираясь на опыт других стран. В большинстве стран расходы по призрению падали не на государство, а на меньшие территориальные единицы — общину или приход, провинцию или департамент. К тому времени в Германии, например, было установлено обязательное призрение для всех категорий нуждающихся, тогда как во Франции постепенно обеспечивалось призрение душевнобольных, детей, стариков, инвалидов и решался вопрос о призрении вдов и сирот.

В России с большим пиететом относились к германской модели организации социальной помощи. В борьбе с нуждой были взяты на вооружение отдельные элементы этой модели, к примеру, стали организовываться участковые попечительства о бедных, дома трудолюбия и т. д. Германская модель была хороша как цель, к которой следовало стремиться, но в качестве образца для обозримого будущего она была неприемлема по причине своей недостижимости. Элементы английской модели общественного призрения, в которой, в отличие от других стран Западной Европы, ведущая роль отводилась не государству, а муниципалитетам и благотворительным общественным организациям, также использовались в России, но в целом она была непригодна из-за финансовой несостоятельности местного самоуправления и благотворительных обществ в стране. Поэтому за основу социальной реформы в России была взята европейская континентальная модель в ее романском варианте как наиболее реалистичная и подходящая к российским условиям.

Размышляя о будущей реформе, Г.Г. Витте писал: «Обращаясь в настоящее время к вопросу о реорганизации у нас общественного призрения, в связи с данными опыта в этой области западноевропейских государств, нельзя, казалось бы, не признать, что при указанных условиях и невозможности рассчитывать на существенное возрастание расходов земств и городов на общественное призрение, в виду их финансового положения и предстоящих им неотложных расходов по другим отраслям хозяйства, — организация обязательного призрения по германскому типу еще долго будет для нас совершенно непосильна. При таких условиях более соответственным было бы, по примеру Франции, постепенно развивать по известному плану призрение отдельных категорий нуждающихся, стремясь в конечном результате сделать такое призрение для этих категорий обязательным»⁵¹.

В сущности, в России уже шли по этому пути, начав с призрения душевнобольных и не задумываясь о том, что идут по стопам Франции, подобно тому, как известный герой Мольера не знал, что говорит прозой. Выбор пути определялся российской действительностью и был подсказан самой жизнью. Теория только подкрепляла сложившуюся практику. Уже наметилась следующая категория

нуждающихся в обязательном признании — на очереди стояла организация признания детей.

Международные конгрессы по признанию и благотворительности шли на пользу всем странам-участницам, в том числе и самой Франции, ставшей объединяющим центром международного благотворительного движения. «Некоторые спросят, может быть, к чему все эти манифестации, приводящие лишь к пожеланиям, лишенным всякой санкции, и исполнение которых большею частью весьма проблематично? — писал Ж. Рондель. — На это следует ответить, что реализация таких пожеланий гораздо вероятнее в том случае, если будет существовать постоянный официальный орган, заботящийся об их осуществлении. Да пожелания конгрессов и не оставались всегда бесплодными. Французское законодательство, учреждая обязательное признание детей, больных, стариков, инвалидов, руководствовалось многими важными заключениями конгресса 1889 года, да, вероятно, и не одна Франция извлекла пользу из этого международного изучения вопросов благотворительности. Наконец, несомненно, что сформулированные конгрессами идеи просвещенной благотворительности и гуманитарного прогресса быстро пролагают себе путь; так напр. столь желательная гармония между публичным и частным признанием сделала значительный шаг вперед после того, как стали возможными совещания представителей обоих видов признания»⁵².

Большое значение для укрепления международных связей, приобщения к культурным достижениям, традициям и опыту, накопленному в разных странах, имела атмосфера конгрессов. Русские делегаты ощущали поддержку и благожелательное отношение организаторов и участников конгрессов. Представляя отчет о Копенгагенском конгрессе, Г.Г. Витте отмечал, что при подготовке и во время проведения конгресса он «всегда пользовался самым любезным вниманием со стороны Постоянного комитета конгресса и Датского организационного комитета»⁵³.

Организаторы конгрессов шли навстречу пожеланиям представителей России. Стоило Министерству внутренних дел Российской империи проявить свою заинтересованность в участии в международных конгрессах по признанию и благотворительности, как Витте немедленно был включен в состав комитета конгрессов и избран почетным вице-президентом Международного общества для изучения вопросов признания. Г.Г. Витте свидетельствовал: «Все сведения, необходимые мне для освещения тех или иных вопросов признания в Западной Европе, комитет сообщал мне всегда с величайшей готовностью; с своей стороны названное общество, живо интересуясь постановкой признания в России, неоднократно делало сообщения по этому предмету в своих заседаниях на основании доставленных ему чрез мое посредство данных»⁵⁴. На одном из четырех общих заседаний Копенгагенского конгресса Г.Г. Витте выступил в качестве почетного председателя.

По мнению Витте, руководящую роль в организации Копенгагенского конгресса сыграли: генеральный секретарь Постоянного комитета конгрессов, главный инспектор Министерства внутренних дел Франции Рондель, председатель Датского организационного комитета, начальник Кабинета короля Дании Кригер и секретарь Министерства внутренних дел Дании Гаарлев. В Министерстве внутренних дел России считали, что этих лиц следовало бы наградить российскими орденами. Однако 6 октября 1910 г., незадолго до представления об их награжде-

дении, император Николай II написал на одном из всеподданнейших докладов о награждении иностранцев: «Обратить серьезное внимание лиц и учреждений на чрезмерное возрастание представлений иностранных подданных к русским орденам. На будущее время я буду прямо отказывать, кроме действительно заслуживающих того случаев»⁵⁵. В связи с этим решено было ограничиться выражением благодарности правительства Российской империи трем вышеназванным организаторам Копенгагенского конгресса.

Следующий, VI международный конгресс по призрению и благотворительности должен был состояться в конце мая 1915 г. в Лондоне. Программой конгресса предусматривалось обсуждение на общем собрании предупредительных мер (социального страхования), призрения покинутых и брошенных детей, призрения семей арестантов, попечения об умственно отсталых. При рассмотрении этих вопросов предлагалось обратить внимание на выдающуюся роль женщин во всех отраслях благотворения. На секционных заседаниях предполагалось обсудить системы социального страхования в связи с организацией и деятельностью негосударственных госпиталей, характер взаимоотношений местных органов управления с общественным и частным призрением, вопрос об общественных субсидиях для улучшения жилищ бедняков, организацию и управление школьных попечительных комитетов. Первая мировая война нарушила эти мирные планы.

Международные конгрессы по призрению и благотворительности содействовали поиску новых направлений, форм и способов благотворительной деятельности в России. Внимание правительства и общественности было обращено на охрану материнства и младенчества, трудовую помощь, участие муниципального управления в общественном призрении, предупреждение пауперизма, социальное страхование, строительство жилищ для рабочих, призрение душевнобольных, подготовку волонтеров, разработку законопроектов реформы общественного призрения в России. Международные конгрессы не предотвратили ни войн, ни революций, но все же способствовали уяснению ближайших задач в социальной сфере.

Примечания

- 1 РГИА. Ф. 1287. Оп. 19 (1880 г.). Д. 58. Л. 4 об.; Ф. 759. Оп. 22. Д. 3333. Л. 4 об. Отношение министра внутренних дел исполняющему обязанности главноуправляющего IV-м отделением Собственной его императорского величества канцелярии от 5 июля 1880 г.
- 2 Голос. № 196. 17 июля 1880 г.
- 3 Согласно правилам о командировках, они предоставлялись только лицам, состоявшим на государственной службе (СЗ. СПб., 1876. Т. 3. Ст. 607).
- 4 *Дриль Д.А.* Парижский конгресс общественного призрения и частной благотворительности // Трудовая помощь. 1900. № 9. С. 384.
- 5 Краткий отчет о Пятом международном конгрессе по делам слепых в Амстердаме. СПб., 1885; Отдел Ведомства учреждений императрицы Марии на Всемирной Колумбовой выставке 1893 г. в Чикаго. Извлеч. из отчета, представленного командированным в Америку делегатом ведомства О.К. Адеркасом. СПб., 1894; Отчет о Шестом международном конгрессе для улучшения быта слепых, состоявшемся в городе

- Кельне-на-Рейне в июле 1888 года. СПб., 1889; Отчет о международном конгрессе по общественному призрению и благотворительности в Париже. СПб., 1900; Отчет о международном конгрессе по вопросам воспитания и охраны детей в Льеже // Состоящее под высочайшим Их Императорских Величеств покровительством Ведомство детских приютов и его задачи. Сборник сведений, издаваемый канцеляриею по управлению всеми детскими приютами Ведомства учреждений императрицы Марии. Ч. 24. СПб., 1906; Четвертый международный конгресс по вопросам общественного и частного призрения в Милане // Там же. Ч. 27; Международный конгресс по вопросам народного образования в Милане // Там же. Ч. 28. СПб., 1907; Международный конгресс по вопросам охраны детей и борьбы с детской смертностью в Брюсселе // Там же. Ч. 29. СПб., 1907; Международные конгрессы по общественному и частному призрению в Копенгагене и по семейному воспитанию в Брюсселе // Там же. Ч. 34. СПб., 1911.
- 6 Сначала эти конгрессы назывались международными конгрессами по общественному призрению и частной благотворительности — *Congrès international d'assistance public et de bienfaisance privée (франц.)*. В августе 1903 г. на совещании Бюро конгрессов в Люцерне было решено, что такое длинное название не оправдано ввиду общности задач общественного призрения и частной благотворительности и трудности их разграничения. Поэтому название изменили на *Congrès international de charité publique et privée*, что переводилось в России как конгрессы общественного (публичного) и частного призрения (или: общественной и частной благотворительности). С тем же основанием можно переводить это название как конгрессы по призрению и благотворительности.
- 7 *Société internationale pour l'étude des questions d'assistance (франц.)*.
- 8 *Погожев А.В.* Организация Русского отдела социальной экономии на Всемирной выставке 1900 года в Париже. (Доклад д-ра А.В. Погожева в заседании санитарной группы Московского отделения Императорского Русского технического общества 18 января 1899 г.). М., 1899. С. 9, 5, 11.
- 9 Об участии российских учреждений общественного призрения в Парижской всемирной выставке 1900 г. см.: *Павлова И.П.* Организационные и правовые основы социального попечения в России на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2003. С. 170–174.
- 10 Даты приводятся по старому стилю.
- 11 *Герье В.И.* Русская благотворительность на Всемирной выставке // Вестник Европы. 1900. № 8. С. 487.
- 12 *Адеркас О.К.* Отчет о международном конгрессе по общественному призрению и благотворительности в Париже. С. 19–20.
- 13 Там же. С. 13.
- 14 *Дриль Д.А.* Парижский конгресс общественного призрения и частной благотворительности // Трудовая помощь. 1900. № 10. С. 521–522.
- 15 РГИА. Ф. 1288. Оп. 14 (1905 г.). Д. 81. Л. 4 об.
- 16 Там же. Л. 6. Копия всеподданнейшего доклада А.Г. Булыгина от 28 июня 1905 г.
- 17 Там же. Л. 300–301. Отпуск отношения С.Н. Гербеля директору Департамента общих дел Министерства внутренних дел А.Д. Арбузову от 26 ноября 1908 г.; Л. 303–303 об. Отношение Арбузова Гербелю от 31 января 1909 г.
- 18 Там же. Л. 64. Отпуск письма Н.Н. Анциферова Л.Ф. Рагозину от 21 марта 1906 г.; Л. 67–67 об. Письмо Рагозина Анциферову от 23 марта 1906 г.; Л. 68–68 об. Отпуск письма Анциферова Рагозину от 24 марта 1906 г.; Л. 64–64 об. Отпуск письма Гербеля Рагозину от 27 марта 1906 г.
- 19 Там же. Л. 91. Доклад С.Н. Гербеля временно исполняющему обязанности министра внутренних дел В.И. Гурко от 25 апреля 1906 г.
- 20 В течение трех лет — с 1908 по 1910 г. ему пришлось выплачивать из собственных средств установленный для членов бюро ежегодный взнос в размере 300 франков. Только в 1910 г. ввиду значения этого бюро для России господину де Бионкуру по

- высочайшему повелению из капиталов общественного призрения были возмещены его расходы в размере 900 франков, что составляло 338 руб. (Там же. Оп. 14 (1908 г.). Д. 62. Л. 33. Доклад С.Н. Гербея П.А. Столыпину от 28 июня 1910 г.; Л. 37. Копия всеподданнейшего доклада П.А. Столыпина от 12 октября 1910 г.).
- 21 [Витте Г.Г.] IV Международный конгресс по вопросам общественного и частного призрения в Милане (1906 г.). СПб., 1906. С. 20–24.
- 22 Витте Г.Г. Подготовка добровольных деятелей по благотворительности. (По работам Миланского конгресса 1906 года) // Трудовая помощь. 1908. № 9. С. 347–348.
- 23 Там же. С. 349, 353.
- 24 Витте Г.Г. IV международный конгресс по вопросам общественного и частного призрения в Милане. С. 15.
- 25 Там же. С. 15–16.
- 26 РГИА. Ф. 1288. Оп. 14 (1906 г.). Д. 107. Л. 1. Сопроводительная записка к отчету о Миланском конгрессе Г.Г. Витте С.Н.Гербелю от 7 июля 1906 г.
- 27 Там же. Оп. 14 (1905 г.). Д. 81. Л. 115 об. Доклад С.Н. Гербея П.А. Столыпину от 12 июля 1906 г.
- 28 Витте Г.Г. Подготовка добровольных деятелей по благотворительности. С. 358.
- 29 РГИА. Ф. 1288. Оп. 14 (1905 г.). Д. 81. Л. 113 об.–114. Докладная записка Г.Г. Витте Н.Н. Анциферову от 7 июля 1906 г.
- 30 Там же. Л. 115 об.–116.
- 31 Там же. Л. 116.
- 32 Там же. Л. 188–188 об. Письмо Л.Ф. Рагозина помощнику начальника Главного управления по делам местного хозяйства Н.Л. Пшерадскому от 26 марта 1907 г.
- 33 Витте Г.Г. Подготовка добровольных деятелей по благотворительности. С. 358.
- 34 РГИА. Ф. 1288. Оп. 14 (1908 г.). Д. 62. Л. 9 об.
- 35 Там же. Л. 9.
- 36 См.: Булгакова Л.А. Всероссийский союз благотворителей (1909–1917 гг.) // Милосердие и благотворительность в российской провинции. Ч. II. Екатеринбург, 2002. С. 32–44.
- 37 Петербургская газета. 1909. 14 мая.
- 38 Адеркас О.К. Отчет о международном конгрессе по общественному призрению и благотворительности в Париже. С. 14.
- 39 РГИА. Ф. 1288. Оп. 14 (1908 г.). Д. 62. Л. 33.
- 40 Витте Г.Г. Международный конгресс по общественному призрению и частной благотворительности в Копенгагене // Трудовая помощь. 1910. № 9. С. 331–349; № 10. С. 431–449.
- 41 Предложения Италии, Германии, США, Швейцарии, Австрии и Дании о программе Копенгагенского конгресса были опубликованы в вечернем прибавлении к «Правительственному вестнику» от 28 мая 1907 г., № 115.
- 42 Рондель Ж. Цели и результаты международных конгрессов по благотворительности // Трудовая помощь. 1910. № 5. С. 520.
- 43 Красовский Л.В., Александровский Н.С. К вопросу о призрении иностранцев в России // Трудовая помощь. 1908. № 9. С. 375–376.
- 44 Там же. С. 401.
- 45 Витте Г.Г. Международный конгресс по общественному призрению и частной благотворительности в Копенгагене // Трудовая помощь. 1910. № 9. С. 342.
- 46 Рондель Ж. Цели и результаты международных конгрессов по благотворительности. С. 520.
- 47 Витте Г.Г. Международный конгресс по общественному призрению и частной благотворительности в Копенгагене. С. 446.
- 48 Петров И.Н. Лечебная помощь сельскому населению России // Трудовая помощь. 1909. № 10. С. 453–473.

- ⁴⁹ *Витте Г.Г.* Международный конгресс по общественному призрению и частной благотворительности в Копенгагене. С. 447.
- ⁵⁰ Там же. С. 448–449.
- ⁵¹ Там же. С. 449.
- ⁵² *Рондель Ж.* Цели и результаты международных конгрессов по благотворительности. С. 523.
- ⁵³ РГИА. Ф. 1288. Оп. 14 (1908 г.). Д. 62. Л. 57. Записка Г.Г. Витте С.Н. Гербелю от 23 сентября 1910 г.
- ⁵⁴ Там же. Л. 57–57 об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 64. Выписка из отношения Министерства иностранных дел в Министерство внутренних дел от 12 октября 1910 г.